

Правительство Новосибирской области
Сибирский институт управления — филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук
АНО «Историческое общество
Сибирского федерального округа»

ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
В РОССИИ И ЕЕ РОЛЬ
В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Материалы межрегиональной научно-практической
конференции, посвященной 100-летию
Великой Октябрьской революции

23—24 ноября 2017 г.

НОВОСИБИРСК
2017

ББК 63.3(2)611я431
О 525

Ответственный редактор:

О. В. Симагина — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Научный редактор:

В. И. Шишкин — доктор исторических наук, профессор, заведующий и главный научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН

О 525 Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории : материалы межрегиональной науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 23—24 ноября 2017 г. / под науч. ред. В. И. Шишкина. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2017. — 387 с.

ISBN 978-5-8036-0837-0

В настоящий сборник вошли материалы участников Межрегиональной научно-практической конференции «Октябрьская революция 1917 года в России и ее роль в мировой истории», посвященной 100-летию Великой Октябрьской революции.

Авторы рассматривают предпосылки и причины Октябрьской революции, масштабы участия в ней социальных низов и радикальное обновление элит; глубину преобразований государственного строя, экономической сферы, социальной структуры и культуры населения, влияние на судьбы народов бывшей Российской империи и на мировое развитие, а также генезис российской контрреволюции.

ББК 63.3(2)611я431
**© ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», 2017**

ISBN 978-5-8036-0837-0

Э. Камареро

*CONICET — Университет Буэнос-Айреса, UBA
(г. Буэнос-Айрес, Аргентина)*

АРГЕНТИНСКИЕ ЛЕВЫЕ И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

Статья посвящена изучению влияния Русской революции на левое движение в Аргентине. В частности, исследуются теоретические направления, стратегия и политика, принятые на вооружение Социалистической партией, левые тенденции данной организации и зарождающийся коммунизм. Исследование вносит вклад в формирование представления о том, как различные течения понимали суть революции, потенциал и пределы реформистской, демократической и/или революционной программы, а также изучает их определение субъекта социальных трансформаций и роль масс в революционных событиях.

Ключевые слова: Русская революция, социалистическая партия, левый социализм, коммунизм

«Для наших эпохи Русская революция станет тем, чем является Французская революция для нового времени». Эту фразу можно было прочесть 18-го марта 1917 года на обложке ежедневной газеты Ла Вангвардия (*La Vanguardia*), изданной Социалистической партией (СП) Аргентины спустя три дня после свержения с престола царя Николая II. Это событие стало символом народной борьбы за свободу. Однако, спустя девять месяцев это же издание охарактеризовало Октябрьскую революцию как большевицкий «государственный переворот», увенчавший отклонение от естественного демократического курса в сторону авторитарной власти. Но так думали не все члены социалистической партии. Левая фракция, сторонников которой изгнали из партийных рядов, и ставшая организацией, предвосхитившей появление коммунизма в Аргентине (Международная социалистическая партия, МСП), приветствовала советский режим и прославляла «русских максималистов, героический авангард интернационального социализма».

Этот конфликт в организации, основанной Хуаном Б. Хустой (*Juan B. Justo*), стал выражением социальной реконфигурации, как политической, так и идеологической. Он произошел в Аргентине под влиянием Русской революции 1917 года, ставшей самым значимым историческим событием XX века.

Не только рабочее движение и «левых» (в том числе сторонников анархизма и *синдикализма*) потрясли новые акты неповиновения, провозглашенные восставшими Петроградом и Москвой. Революционные

события 1917 г., как и то, что последовало за ними, оказали определенное влияние на доминирующие классы, на «правых» и на Церковь, на новый политический режим, возглавленный правительством Гражданского радикального союза, на журналистику и общественное мнение, мировую культурные сети, искусство и идеологию, а также на многочисленные сообщества иммигрантов, среди всего прочего [1].

Целью данной работы является исследование влияния Русской революцией на аргентинских «левых», в частности, на теоретические основы и направления, на политики и стратегии, принятые социализмом и зарождающимся коммунизмом. Исследование вносит вклад в формирование представления о том, как различные течения понимали суть революции, потенциал и пределы реформистской, демократической и/или революционной программы, а также изучает их определение субъекта социальных трансформаций и роль масс в революционных событиях.

В 1910-х годах, особенно после принятия Закона Сазенса Пеньи, СП стала определенно склоняться к реформистскому курсу, целями которого были: совершенствование демократических институтов, улучшение условий жизни зависимых классов и модернизация страны [2]. СП интегрировалась в политическую систему как партия, способная вести электоральную борьбу и споры в парламенте. Несмотря на то, что большинство их сторонников составляли рабочие, СП не смогла использовать в полной мере рабочее движение после объявления решительного разделения между профсоюзной борьбой и политическими действиями, а также после отказа от практики прямого действия. Этот подход ставился под сомнение внутри организации, вплоть до возникновения разногласий. Одно из них возникло одновременно с левым течением, которое значительно навредило реформистскому проекту. Все ускорило в 1917 г. отголоски Мировой войны дошли до аргентинского побережья, в то время как из далёкого Петрограда приходили невероятные известия. СП не удалось выйти сухой из вод этого океана двух страстей: Война и Революция. Сначала из этого кризиса возникла МСП, а затем и коммунизм. Все это произошло на фоне новой политической обстановки в стране. Президент Иполито Иригойен (Hipólito Yrigoyen) положил начало политическому режиму, бросившему вызов нарастающей борьбе трудящихся, которая нисколько не прекращалась по меньшей мере до 1921. Апогею рабочего конфликта сопутствовал процесс идеологической и политической радикализации, для которого Русская революция выступила и стимулом, и катализатором.

Новый мировой исторический период в повестке дня аргентинского социализма

Революционный процесс на царской земле начался ближе к 8 марта и набирал обороты в течение недели¹. Впервые *La Vanguardia* сослалась на эти события 16 марта, через день после отречения Николая II, и продолжала упоминать их в период формирования временного правительства. Этот заголовок на обложке, скромных размеров, спустя месяцы стал почти постоянным разделом, печатающимся на второй странице: «Русская революция». В тот день была подана апелляция на заявление английской Партии лейбористов: «Родзянко, председатель Думы, предводитель революции, за которым следует весь народ» [3]. На самом деле, этот член Партии «Союз 17 Октября» был реакционером, уже был председателем Думы во времена Империи. Спустя два дня на обложке красовался новый заголовок: «Царизма больше нет, начинается новая эра в истории России, а может, и в мировой истории. Пала трехсотлетняя династия самодержцев, удерживающая власть посредством преступлений и террора» [4]. Прогрессивная роль «великих революций» приобретала все большее значение. Россия могла уподобиться Франции 1789-го года. Но речь шла не об установлении буржуазного правления, на передовой революционной борьбы стоял рабочий класс:

Было бы не удивительно, если бы с Русской революцией начался новый период в истории, характеризующийся социальной рабочей эмансипацией. В России могла бы начаться социалистическая революция, нацеленная на создание новой социальной организации, основанной на принципах экономической справедливости, без которой не может быть свободы личности, ни гражданской, ни политической.

СП предупреждала, что в России этот процесс следовал по восходящему курсу: «На самом деле, рабочих не устроило бы только лишь свержение режима». В заключении говорилось: «Социалистическая демократия Америки видит в победе русского народа триумф международного пролетариата; и надеется, что революция обновит жизнь России, освобожденной от царской тирании под тенью красного знамени, победителя последних сражений». Однако СП была далека от идеи зарождения мировой революции, к примеру, это проявлялось в отношении партии к войне в Старом свете: подчеркивалось, что новое временное правительство выступило за продолжение участия России в войне, и СП приветствовала партию, отстаившую данное решение.

---

¹ Мы руководствуемся датами григорианского календаря, используемого в материалах, с которыми мы работаем, которые на тринадцать дней отличаются от установленных в соответствии с юлианским календарем, использовавшимся в России до февраля 1918 года.

Правление СП озвучило официальную позицию по этому вопросу 20 марта, в ходе чрезвычайного заседания. Исполнительный комитет (ИК) принял решение отправить телеграмму поддержки в Думу, приглашая парламентариев подписаться под текстом, составить который было поручено генеральному секретарю партии Антонио де Томасу (Antonio de Tomaso). В телеграмме, отправленной в адрес Родзянко, говорилось:

...выражаем наше глубокое приятие русской революции, в которой видим величайшее историческое событие современности. Приветствуем Думу, которая совершила ее во имя народа и провозгласила желание создать новый политический режим на нерушимой основе общественных свобод и прямого и тайного всеобщего избирательного права. Надеемся, что Ваша миссия будет полностью исполнена [5].

23-го марта руководители партии высказались на собрании, организованном Ateneo Popular. Депутат Антонио Дзакканьини (Antonio Zaccagnini) заявил: «Услышав известия о русской революции, мы вздрогнули, оторопели, и спросили, правда ли это, а не очередная ли телеграфная ложь». Сенатор Валье Иберлуца (Valle Iberlucea), управляющий *La Vanguardia*, тоже выступил с краткой речью: «...и вот пламенеет красное знамя, объединяющее всех людей и всех рабочих, запрещенное в нашей стране общественным законом. Все это означает, что социализм победит сначала в России, затем в Европе и, наконец, в Америке» [6].

СП закрыла вопрос о характере демократического процесса в России. Ссылки на Родзянко становилось все меньше, но их заменили упоминания о главе Временного правительства, князе Львове, и о министре иностранных дел, Милюкове. Оба состояли в партии кадетов. Когда в России начался «апрельский кризис», СП не смогла четко сформулировать свою позицию, прежде всего, по вопросу мобилизации рабочих и солдат, которая привела к серьезным столкновениям с правительством и отставке Милюкова, после чего важные министерские посты заняли умеренные социалисты. СП приветствовала вхождение своих российских единомышленников в правительственные структуры, пытаясь при этом не акцентировать внимание на факте неприятия войны народом. Несмотря на то, что призыв к проведению выборов в Учредительное собрание не увязывался с мобилизацией солдат на фронт, а установление восьмичасового рабочего дня противоречило заверениям о продолжении работы промышленности для военных нужд. *Ла Вангвардия* осуждала эти факты, но в то же время настаивала на том, чтобы Россия продолжала войну против Германии. Публикации ссылок на революцию продолжились (с короткими ком-

ментариями), с момента установки телеграфных кабелей¹. Объявлялись хорошие новости о «демократической России», ее обещаниях предоставить независимость Польше или о решении отменить смертную казнь [7].

В тот момент события в России не повлияли серьезным образом на появление противоречий внутри СП. Они стали результатом того, что страна должна была выработать позицию по вопросу Первой мировой войны, — вопрос, имеющий непосредственное отношение к краху II Интернационала. В аргентинской СП обсуждался вопрос о том, следует ли содействовать прекращению дипломатических связей с Германской империей или сохранять нейтралитет в конфликте с «интернационалистической» позиции. Хусто был расположен «недоброжелательно», оставаясь в нейтралитете, выступая за свободную торговлю (Роу, 2014). Руководство этой стороны обязалось «защищать национальные интересы», связанные с деятельностью союзных держав (главным образом Англии), с которой Аргентина заключила контракт на экспорт мяса и зерновых. СП сохранила хрупкое равновесие между защитой внешней торговли и пропагандой принципа невмешательства и осуждением войны. Это равновесие пошатнулось в апреле 1917, с затоплением аргентинского корабля «Monte Protegido», что стало результатом немецкой атаки. Партия парламентариев (сенатор Валье Иберлусеа, и депутаты Хусто, Браво, де Томасо, Репетто, Хименес, Дзакканьини, Е. Диккманн, Аугусто Бунхе и Франсиско Кунео), призвала правительство принять все необходимые меры «для обеспечения как можно более широкого применения Аргентинской торговли судами любого флага» [8].

Для принятия решения по этому вопросу было необходимо созвать Внеочередной третий конгресс. В ходе этой бурной встречи, которая прошла в театре Верди в районе Ла Бока 28 и 29 апреля, возникли левые социалисты, как народное течение социализма, противостоящие сторонникам действующего президента. Партия разделилась: с одной стороны, большинство членов Конгресса занимало позицию парламентариев, поддерживаемых Хусто. С другой стороны, левые «интернационалисты», представляющие меньшинство в Комитете

---

¹ Como con las demás noticias internacionales, el PS informó sobre la Revolución rusa con materiales de otros órganos de prensa y reproducción de cables telegráficos (de Reuters, Associated Press y otras agencias), fechados en Londres, New York, Paris, Petrogrado y Moscú, que el diario no corroboraba necesariamente. Existía una decisión respecto a qué se seleccionaba o se hacía hincapié, y en los títulos se detecta una subjetividad; algunos de estos informes eran comentados, trasluciendo cierto sistema de preferencias.

(сформирован Хосе Фернандо Пенелоном, Хуаном Ферлини и Агустином Мусио). Существовало два антагонистических проекта резолюций: один, представленный большинством Конгресса, а другой — меньшинством. Большинство из них высказались за защиту внешней торговли в качестве аргумента, требующего разрыва с Германией, в то время как другие выступавшие были за прямое вмешательство в Великую войну, в котором видели способ борьбы с большей опасностью — германской автократией. Меньшинство, Пенелон, Ферлини, Карлос Паскали, Альберто Палкос и Родольфо Гиолди подтвердили, что ответственность за военные действия несут все империалистические державы, а не милитаризм одной из сторон. Хусто выступил с другим проектом резолюции, более посредническим, сказав, что СП не хочет заявить о разрыве отношений или объявлении войны, и что он не должен принимать никаких парламентских инициатив в отношении вооруженной конфронтации. Пенелон защищал линию нейтралитета и заявил: «Больше, чем правительственная партия, мы должны быть революционной партией» [9]. Как только завершилась левые социалисты одержали убедительную победу: 4200 голосов против 3500. В СП зародился серьезный внутренний кризис, который затем разразился в полном масштабе.

СП против временного правительства, советов и двоевластия

Празднование Международного дня рабочих, организованное в Буэнос-Айресе 1 мая 1917, позволило проявить СП свою позицию относительно Русской революции. Несколько тысяч активистов и сочувствующие им рабочих собрались под трибунами на Диагональ Сур. Цель состояла в том, чтобы показать картину единства, после того, как бурный конгресс завершился два дня назад. События революции не были отражены на в самых важных плакатах протестующих, где были мирные требования. Однако, Русский мотив снова появился. Появился он в речи де Томаса, для которого то, что началось в Петрограде, стало ключевым событием для «дела труда и демократии» в мире:

Возник новый политический режим, провозглашающий свободу сотен миллионов людей, политическую и административную автономию для нескольких поработанных народов и утверждая прямое и тайное всеобщее избирательное право, как нерушимую основу новой России. С этого момента и впредь Интернационал приобретает колоссальную поддержку [10].

Только с мая *Ла Вангвардия* начала отмечать могущество Совета — «Совета рабочих и солдатских депутатов». Социализм не видел противопоставления между советами и новой властью, их рассматривали в качестве совместимого дополнения. Приветствовалось укрепле-

ние временного правительства и то, что в настоящее время Дума и Совет рабочих и солдатских депутатов «гораздо менее дистанцированы» [11]. По мере чтения газеты выяснялось, что в России наблюдается оппозиция официальному курсу революции, хотя пока еще не было ее обозначить. Внимание стала привлекать фигура военного и морского министра, Керенского, социал-лейборист, «гарант созыва учредительного собрания» [12]. Были также и другие деятели меньшевизма, такие как министр Церетели, председатель Совета Петрограда Чхеидзе и эсеры. Линия СП означала линию единства всех социалистов, из которой затем исключат «максималистов» Ленина. Согласно СП, российский процесс должен проводиться в соответствии с либерально-демократическими, республиканским и прогрессивным принципами, предполагающими открытость к требованиям трудящихся. Любая идея о двоевластии между правительством и Советом была исключена. Кроме того, в правительство солидаризировалось с Советом, подтверждая его существование и поддерживала идею продолжения войны против германской автократии, а также гарантировало контроль за революционными процессами во избежание его выхода за рамки, на чем настаивали определенные группы. В начале июня Социалистическая газета воспроизвела огромное фото выборов в Петроградский Совет и подтвердила: «Рядом с революционным правительством есть он, с равными правами и обладающий не меньшей силой — парламент революции, и он будет, по нашему мнению, сильнейшей преградой любому анархическому отклонению, способному поставить её под угрозу» [13].

В то время задача состояла в том, чтобы выиграть войну против Германской Империи. Социалистическая газета отмечала веру в то, что армия консолидировалась под руководством Керенского. Но «июльские дни» снова застали врасплох *La Vanguardia*. Партия предсказывала прогресс революции в сотрудничестве с советами и продолжении войны, и осознание провала Июльского наступления, ускоренное разложение армии, массовые беспорядки, которые подталкивали Совет захватить власть, затем была отставка Львова и вступление Керенского в должность нового премьер-министра. Что касается СП, то ключевым фактором для партии являлось обеспечение «верховной власти временного правительства».

С какого момента СП обратила внимание на существование большевизма как автономного и революционного течения в российском социализме? Этим моментом стал июнь, когда это движение получило большинство мест в Совете Петрограда. *La Vanguardia* начала идентифицировать его с самыми радикальными позициями, а также с

анархистами. Спасшись бегством в Финляндию, Ленин стал для газеты призраком, доверявшей, как представляется, обвинениям в том, что он был на службе вражеской иностранной державы: «Совет рабочих и солдатских депутатов постановил, что максималисты, обвиняемые в подстрекательстве к мятежу или в получении денег от Германии публично осуждаются. Было признано неприемлемым, что экстремист Ленин и его сторонники избежали судебного разбирательства [14]. В сентябре вышла публикация бывшего революционного активиста Владимира Бурцева, о большевизме как слуге Берлина: «партия максималистов — это инструмент Германии, откуда она получает деньги. Их лидеры (...) являются главными виновниками распада России и поражения русской армии» [15]. Эти новости быстро разрослись в мировой прессе. Например, отметили, что на закрытом заседании Думы Владимир Пуришкевич (имеющий склонность к национализму и антисемитизму) заявил: «Ленин умер в Цюрихе в 1916 году, и этот псевдо-Ленин — г-н Задерблум, бывший друг Ленина» [16]. Это был вздор: он спутал его с Мартовым (Юлий Зедербаум), другом Ленина, но затем ставшим его соперником, одним из лидеров меньшевизма. Такие новости передавала тогда *La Vanguardia*. Первый раз имена «большевиков» (помещенные таким образом в кавычки, как экзотический термин), были упомянуты в начале сентября. Они были представлены как «крайние левые» и «сторонники программы максимум». Группа единомышленников, объединившихся вокруг газеты «Правда», которой руководили Ленин и Григорий Зиновьев, была названа анархистской, «приверженцы крайне жестоких взглядов. По возвращении в Россию Ленин выступил с сенсационным заявлением, в котором подтверждалось превосходство теорий Бакунина над теориями Маркса» [17].

Уже в период, предшествовавший революции большевиков, *La Vanguardia* с осуждением сообщила о восстании Корнилова в конце августа-начале сентября. Ранее же это событие получило некоторое одобрение, особенно в свете заявления о пользе военного переворота для победы в войне с Германией. Теперь же неповиновение «генералиссимуса» [Корнилова] осуждалось, наряду с его попытками подчинить себе всю гражданскую и военную власть и стремлением создать новое диктаторское правительство. Газета встала на сторону администрации Керенского и предложила «теорию молота и наковальни»: большевизм оказался с одной стороны, а контрреволюционеры — с другой [18].

В начале октября длинная заметка, принадлежащая партийному лидеру и журналисту Рикардо Саенс Хейсу, восхваляла Керенского, представленного «самым прекрасным символом гражданского героя», «мягкий с народом, и обходительный с дамами», «честь своей стра-

ны», «Спаситель своего народа», «гордость свободных и благородных людей, которому противостоит «агитатор Ленин»», который будучи в Швейцарии, сформировал «крошечную группу», «... осуществлявшую трудоемкую пропаганду, чтобы настроить рабочий класс против войны» [19]. Большинство СП было сосредоточено в сфере деятельности министра. Но левое крыло дистанцировалось от этой позиции и начало высказывать поддержку Ленину.

Произошло нечто важное: левое течение социалистического фронта приблизилось к внутренней оппозиционной линии. В начале августа ими запущено собственное периодическое издание под руководством Пенелона, которая в течение ближайших двух десятилетий была официальной газетой МСП и аргентинского коммунизма. Группа также приступила к редактированию журнала *Revista Socialista*. Усилилась критика реформаторских концепций СП. Основные нападки были направлены на немца Бернштейна, чье влияние воспринималось как ключевое: «ретроград, который работает против социализма», «все к движению и ничего к конечной цели», как говорил Пенелон в первом издании *Ла Интернасьональ* [20]. Пенелон также поставил под сомнение позицию однопартийцев в отношении Русской революции, особенно — их поддержку Временного правительства, в то же время наблюдался рост симпатий к позиции большевиков: «Мы с Лениным, а не с Керенским» [21].

Развязка и кризис вокруг войны и революции

Перед СП стояла задача не только осмыслить Русскую революцию и выработать свое отношение к ней. Другое крупное явление на международной арене — война, продолжавшая раздирать страну и саму партию. После немецкого нападения на аргентинское судно «Торо» и инцидента с графом Люксбургом, в результате которого консерватор Хоакин В. Гонсалес обратился к правительству президента Иригойена с просьбой разорвать дипломатические отношения с Германией, конфликт в рядах СП разгорелся вновь. Законодатели из СП поддержали это предложение, признавая про-союзнические взгляды, противоречащие положениям III Внеочередного конгресса. Депутаты и единственный сенатор от партии, Валье Иберлусеа, провели это решение¹. Роль сенатора и депутатов-социалистов, а также их полномочия

---

¹ Траектория дель Валье Иберлусеа имела крутые повороты. Их позиции по военному вопросу относились к правым: Европейская война и Международная политика 1914, а также международный вопрос и Социалистическая партия 1917 были разоблачены в их произведениях. Но ранее этот профессор международного права в национальном университете Ла-Плата и активист партии с начала столетия подняли позиции в левом крыле. В публикациях он

были вынесены на обсуждение, потому что, по мнению левых, данное голосование нарушало демократические принципы, в силу того, что участники проигнорировали мандат, полученный от суверенного Конгресса. Дискуссия была представлена в *Ла Вангвардия* в сентябре-декабре 1917, где приняли участие, как лидеры противостоящих фракций, так и сотни активистов партии, которые порой излагали позиции конфликтующих сторон [22].

Возможность левых неограниченно выражать свои взгляды на страницах *Ла Интернасьональ* привела к формированию тенденции на снижение руководящей роли СП. В свете проблемы приостановления дипломатических отношений с Германией, когда заявили, что СП не желает оставаться только оппозиционной партией, но стремится выступать в качестве правительственного органа, то «левые» напомнили об опасности отхода от Социалистического движения «к отказу от своей классовой политики, исторической миссии, которая состоит в том, чтобы направлять рабочий класс к его интегральной эмансипации, а не в том, чтобы добиваться его защиты путем солидаризации с классом капиталистов, превращая его в партнера в буржуазном правительстве» [23]. Они отвергли путь к власти, основанного на выборах: «единственное возможное понимание Маркса, когда речь идет о завоевании власти, — это революционное завоевание диктатуры пролетариата, с тем чтобы осуществить исторические преобразования, к которым стремится социализм». Он предупреждал о потере трудового и революционного характера СП, которое приведет к превращению в радикальную партию по образу европейских, чуждую классовой борьбе и отождествляемой с защитой национального государства от шовинизма, который отрицает империалистический характер войны. Наконец, он осуждал отсутствие внутренней демократии и феномен олигархизации, которые предоставили сущность партийной жизни в руки горстки «докторов», доминировавших в СП и монополизировавших парламентское представительство и страницы *Ла Вангвардия*.

В целях дальнейшего ужесточения внутренней конфронтации Международный Конгресс призвал к созыву нового внеочередного конгресса для принятия мер против парламентариев. Однако законода-

---

предупреждает, что Международный социалистический журнал и Новое человечество, внимательно относясь к вопросам философии и права, критикуют позиции Бернштайна в социализме. Он с пониманием отнесся к динамике молодых людей социалистического левого крыла. И позже он поддержал российскую революцию, и поэтому не поощрял Сенат в 1921. см.: дель Валье Иберлуса, 1934; Марианетти, 1971; Корбиёре, 1987; Бецерра, 2009.

тели, пытаясь избежать этого созыва, в начале октября изменили ход дискуссии: они предложили в качестве варианта свою отставку и потребовали от СП проведения голосования по этому вопросу. Сам характер этих действий расширил возможности для победы парламентариев, из-за встречного импульса, а СП лишились бы своих мест, поставив под угрозу основную базу своей политической поддержки. Депутат Антонио Мантекон поставил под сомнение шантаж: «почему бы Исполнительному комитету вместо того, чтобы созывать всеобщее голосование, не созвать чрезвычайный конгресс?» [24] Очевидно, что результат был благоприятным для парламентской группы (5 345 голосов против 909, 72 воздержавшихся и более чем 2 000 отсутствовали). Интернационалисты не имели возможности для маневра перед правым крылом партии, что вновь привело к углублению внутреннего кризиса и предопределило развязку. Это случилось в разгар нового водоворота событий, в который попала Россия.

Аргентинская СП была удивлена октябрьским восстанием. Первая информация, содержащаяся в прессе, появилась 8 ноября, с беспорядочным набором телеграмм, датированных днем ранее, и понимание произошедших событий ещё только формировалось. Газета отметила, что «вооруженное военно-морской отряд, по приказу революционного комитета, оккупировал управление официального телеграфного агентства Петрограда» [25]. С самого начала под восстанием понимали вооруженный мятеж нескольких тысяч, ответственность за который лежала на большевизме. Данные поступали противоречивый, свидетельствуя о неопределенности положения. На следующий день *Ла Вангвардия* указала правопреемство: свержение администрации Керенского, нападение «советских войск» на Зимний дворец, проведение «Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов» (ссылались на II конгресс Советов), арест министров и контроль над Петроградом в руках максималистов, которые приступили к обсуждению на «незамедлительный мир», урегулированию аграрного вопроса и созыву учредительного собрания. Была издана прокламация: «мы свергли правительство, которое против революции». «единственным органом в настоящее время является революционный комитет» [26]. С этого момента события представлялись как «бескровный государственный переворот».

СП пришлось иметь дело с запутанной картиной реальности, которая основывалась главным образом на ложных или искаженных новостях. В течение нескольких дней указывали в газете, что новости являются «удовлетворительными», и есть надежда, что «быстротечное Правление максималистов подходит к концу». Уровень искажений

реальности был еще хуже: утверждалось, что силы Керенского уже находились в Петрограде и были «фактическими хозяевами всего города», с тем чтобы завершить: «предполагается, что близится конец движения максималистов» [27]. Некоторые из новостей *Ла Вангвардия* были ошибочны: Керенский никогда не мог контролировать Петроград, поскольку он никогда не возвращался в город: его войска достигли Царского села в 24 км от города, где они не победили, а проиграли Красной гвардии. В течение нескольких дней в печати настаивали: «население, по-видимому, лишается своей веры в Ленина и Троцкого», «проявление большевистской власти значительно уменьшилось», а также ошибочно заявляли об установлении контроля над Москвой войсками Керенского, о предстоящем формировании нового коалиционного правительства без сторонников «агитаторов Ленина и Троцкого» [28]. Только десять дней спустя, 19 ноября, большевики были признаны «хозяевами положения», контролировавшими два крупных города страны [29]. С этого времени в *Ла получила* возможность выработать предметное заключение по фактам. Это было сделано Артуром Хавауксам, членом редакционного совета газеты:

Новости из России, противоречивые в первые дни большевистского государственного переворота, в настоящее время совершенно ясны благодаря источникам разного происхождения. Керенский был свергнут и исчез, о его местонахождении ничего не известно; максималисты захватили власть, они хозяйничают в Петрограде и Москве, несмотря на недовольство, которое провоцируют их действия; Анархия в Финляндии; Армия, распущена или дезорганизована; борьба партий, перерастающая в неизбежную гражданскую войну и призрак грозящего голода — это та, картина, которую представляет сегодня русское государство [30].

Если политическая несостоятельность привела к провалу правительства Львова и кадетов, то приход Керенского и эсеров открыло этап «практичных государственных деятелей», которые сделали все возможное, чтобы направить ситуацию в нужное русло. С поражением восстания Корнилова казалось, что пути Республики и реформы были сведены воедино. Однако наступило поражение. А почему?

...ультрареволюционная агитация заразила духом недовольства по поводу всего возможного и сумела отвлечь революцию от логического и разумного завершения, которое, как мне кажется, и нанесло поражение временному правительству. Мы видим результат: Россия без правительства, признаваемого другими державами, или русским народом; в управлении страной — полный беспорядок.

По словам журналиста СП, Россия не могла пропускать «промежуточные» этапы, и он задавался вопросом: «как мы сможем поверить, что русский народ, который до вчерашнего дня жил под угрозой кнута и чье невежество велико, может сделать один скачок, чтобы встать в один ряд с демократическим порядком Англии и Франции? Вывод был красноречивым: «Ленин и Троцкий могут задумать этот прыжок: но русский народ не может этого исполнить». В результате было реализовано то, чего больше всего опасалась СП, т. е. решение о выходе советского правительства из войны.

Появление левой Социалистической партии, поддерживающей идеи Октябрьской революции

По мере триумфа большевистского восстания, СП пришлось иметь дело с внутривнутрипартийным расколом. Изначально официализм одержал победу над диссидентами, но последние, были готовы действовать. В октябре был учрежден Комитет по защите резолюции III Внеочередного конгресса. Однако, воспользовавшись поддержкой, полученной в ходе этого голосования, руководящее большинство его распустило, посчитав «незаконным, подрывным и анархическим». Пенелон и Ферлини отказались от Конгресса, созванного в ноябре и декабре с целью осуществить раскол. Был сформирован Комитет по связям с распущенными социалистическими центрами и изгнанными меньшинствами, который созвал конгресс высланных из страны, который, наконец, собрался 5-6 января 1918 в холле «20 сентября» [31]. Большинство участников прибыли из Федеральной столицы, Агруппасьон Графика и нескольких провинций Буэнос-Айреса, Санта-Фе и Кордовы. Делегатами стали около 750 активистов, представлявших 22 центра. То есть лишь небольшая часть тех, кто поддержал левых в ходе дебатов о войне, сопровождала сейчас интернационалистов: девять месяцев назад, на конгрессе в театре Верди, они получили 4000 голосов в свою пользу. В новой партии преобладала молодежь. В одной из немногих национальных газет, осветивших данное мероприятие, говорилось: «в этом конгрессе обращает на себя внимание тот факт, что в нем доминирует молодое поколение» [32]. Многие из них лишь недавно вступили в СП и не имели такого общественного значения как официалисты. Исключением было присутствие группы ветеранов немецкой рабочей силы, среди них Аугусто Кюн, Гильермо Шульце, Гюммель и братья Херман и Энрике Мюллер.

Новая организация была названа Интернациональной социалистической партией (ИСП) после обсуждения в рамках других вариантов (например, революционной социалистической партии). Среди ее членов было большинство рабочих, преподавателей и студентов, а

также несколько специалистов и других представителей среднего класса. В целом, социальный характер коллектива был более значимым чем тот факт, что эти силы возглавлялись Хусто. Первоначально ИСП пыталась полностью оспорить историческую законность в отношении СП, прежде всего, в отношении ее названия, а также изложения социалистических идеалов. На I Конгрессе в январе 1918 была принята Декларация принципов (которая была возвращена Декларация 1896), программа минимум и Устав партии. Была установлена обязательная для всех членов партии профсоюзная активность. И был выпущен манифест о создании новой силы, гласивший: «Социалистическая партия преднамеренно и сознательно отказалась от социализма. Мы больше не принадлежим к Социалистической партии, но и Социалистическая партия не относится больше к социализму» [33]. *Ла Вангвардия* откликнулась на отколовшуюся от нее группу: «никто подобно нам не знает, что недостаточно называться социалистом, ни выгладеть как социалист, чтобы быть им на самом деле. Разве мы не стали свидетелями печального фарса кучки людей, которые намереваются заставить максимализм оклеветать СП и пытаются обессилить ее, к большей славе и большей выгоде буржуазной, клерикальной и милитаристской реакции, которые представляет фракция, именуемая радикальной?» [34].

В своем учредительном манифесте ИСП поставила вопрос об отношении к войне как решающему аспекту, объясняющему раскол, и четко заложила свою приверженность интернационализму, который получил импульс в 1915-1916, благодаря деятельности Ленина, Троцкого и Розы Люксембург: «Социалистическая партия, утверждая войну с капитализмом, полностью разделяет свою солидарность с социалистами, которые, в сложнейшей обстановке, неустанно трудятся во всей Европе и Соединенных Штатах в целях установления мира и социализма согласно резолюциям Копенгагенского и Штутгартского социалистических конгрессов и Базельских решений, подтвержденных недавними конгрессами Зиммервалда и Киентала» [35].

Какое место заняла Российская революция в процессе создания ИСП? Очевидно, что длительный цикл развития левого течения, который в конечном итоге привел к появлению ИСП, зарождается еще до взятия Зимнего дворца, и начинается с появлением *Ла Интернасьональ* в качестве глобального альтернативного пространства, всего лишь за три месяца штурма Зимнего. Но в процессе окончательного раскола между официализмом и диссидентством, формы приложения русского революционного процесса уже отличались: не было длительного переходного периода, в котором могла бы проявиться эта неравноправная позиция. Таким образом, в своем учреди-

тельном манифесте января 1918 г., ИСП рассмотрела положение СП относительно событий в Петрограде и фактов, имеющих решающее значение для возведения барьера между двумя сторонами: «чтобы яснее продемонстрировать разрыв социалистической партии с социализмом, достаточно привести оценку официального органа партии, которую они дают максималистам, названным «худшими врагами российской революции», как будто бы приход к власти первого в мире социалистического правительства стало позором». В связи с этим было ясно, что, хотя СП сослалась на неудачный переворот, в рамках ИСП была представлена задача «народа, который твердо предлагает заключить мир во всем мире, свергнуть буржуазию и установить долгожданное царство социалистического пролетариата». Наконец, когда ИСП готовила свой манифест и стремилась дополнить свою общественную идентичность, она выбрала русскую революцию в качестве своего стремления:

Пламенное и стремительное дыхание революции прокатилось по всей планете. Оно появилось в России и добралось во все уголки мира. Его движущая сила: создание социализма. С взглядом, устремленным на столь высокие идеалы, в этом регионе Америки мы хотим быть эффективными, активными агентами этого глубочайшего революционно-преобразования [36].

Эти формулировки имели место, когда советский режим едва был в процессе создания. В ходе прогрессирующего строительства ИСП одобрение российской революции достигло особой важности. Партия выиграла общественное пространство в акциях солидарности с советским процессом. 7 ноября 1918, наряду с другими организациями трудящихся и левых организаций, ИСП содействовала проведению в Буэнос-Айресе марша в честь годовщины октябрьских событий, в котором участвовало около 10000 человек, а затем этот марш стал своего рода ежегодным ритуалом. Анализ международной обстановки, проведенный партией, выявил динамику движения, инициированного большевиками. После подписания соглашения, которое положило конец мировой войне, спустя несколько дней, ИСП призвала: «выразить свою солидарность правительству СССР» и «приветствовать движения, которые в Болгарии, Австрии, Венгрии и Германии намереваются установить положение вещей подобное тому, что в новой России, и предполагают распространиться на всю Вселенную» [37]. В последующем манифесте, который совпал с кульминацией воинственного пожара революции, содержалась: «слава российским максималистам!» Благодаря их действиям в течение нескольких лет, была прекращена самая ужасная бойня в мире, в результате которой погибло несколько

миллионов человек, и Октябрьская революция распространила «семена социальной революции» и привела к краху старых империй. Манифест завершился так:

Русские максималисты, героический Авангард интернационального социализма, заложили основы нового гуманизма, искупительного человечества будущего, без кастовых или социальных привилегий, без войн и без деспотов. Твердо придерживаясь наших миролюбивых и интернационалистских принципов, давайте работать в наших рядах для наступления такого счастливого часа. (...) И давайте подготовим революционное преобразование американского общества [38].

В конце 1918 ИСП опубликовала Конституцию РСФСР [39]. И начала кампанию за его признание Аргентиной, используя эти лозунги в газетах и в программах заявлениях, Ферлини, который был избран первым членом Совета, в июле 1920 попросил в связи с этим слова в совещательном Совете Федеральной столицы, с тем чтобы обратиться с просьбой к национальному конгрессу. В области пропаганды это была весьма обширная работа. В 1919 были опубликованы работы Ленина и Зиновьева о социализме, войне и российской революции [40]. ИСП также рассмотрела публикацию в Буэнос-Айресе *Документов о прогрессе*, журнала, который отражал реальность советского режима, публиковались труды его лидеров. Под руководством Симона Шеймбергера и Альдо Пекини, были опубликованы 45 номеров с августа 1919 по июнь 1921. На основе этой публикации были выпущены несколько брошюр и книг Ленина, Троцкого, Зиновьева и Радека.

Русская революция как отрицание и как принцип «левой» идентичности: от социализма до коммунизма

Подводя итоги, рассмотрим некоторые из описанных событий. После падения царизма аргентинская СП обратилась с призывом к пониманию событий в рамках общего диагноза: до начала «социалистической революции» (эра трансформации в пользу рабочих) в глобальном масштабе. Какова была концепция партии революции как в России, так и в Аргентине? До тех пор, пока не был свергнут деспотичный режим, он был исторически легитимен. Поэтому СП сослалась на демократическую революцию, которая открыла путь к завоеванию индивидуальных, гражданских и политических свобод. Однако в то же время она предполагала борьбу за социальную справедливость и осуществление реформ в пользу трудящихся, и именно здесь СП улавливала расплывчатое понятие социализма, без направления, временных рамок, задач, предметов или четко установленных процессов. Эта революция не ограничивалась коротким моментом собственно революции, она была названа длительным процессом, постепенно расширяю-

щим ценности и материальные достижения свободы и равенства, завоеванные на пути реформ. Таким образом, реформа и революция были объединены, а не разделены.

Партия Хусто признала участие масс в русской революции (хотя и предупреждала о стихийных «перехлестах»), но она концентрировалась преимущественно на политических столкновениях, не осознавая в полной мере роль народных масс. Это было выражением институционалистской ориентации СП, которая, как правило, не находит позитивного отклика у широких масс. Хотя и понималось, что социальным субъектом является рабочий класс в борьбе за свои права, а не народ с «активной гражданской позицией». Только иногда рабочий класс рассматривался в несколько более неопределенном свете с учетом крестьян и других угнетенных слоев. То есть, это объяснялось в терминах реформизма и институционализма, но с точки зрения классовой теории.

Для СП то, что произошло в октябре, было государственным переворотом, главную роль в котором сыграли агитаторы, не имеющие широкой народной поддержки, но сумевшие направить ход строительства открытой для демократических реформ и верной своим союзническим обязательствам республики по ложному пути превратив ее в эксперимент экстремистского правительства, которое несло с собой голод, беспорядки, гражданскую войну, авторитаризм и позорный мир с Германией. С этой точки зрения, авантюра начавшая свой ход в Петрограде, утратила национальный компонент и историческую судьбу, попав в ловушку социальной конфронтации и насильственной политики. Они признавали положение до восстания Корнилова: до этого периода вся информация по этому вопросу в *Ла Вангуардия* выходил под названием «Русская революция». После этого она была названа «ситуацией в России». Подлинная революция состоялась в феврале, а затем наступила анархия, невыносимая борьба за власть между советами, правительством и партиями и, наконец, государственный переворот. За этой идеей «отклонения» — разве это не отсутствие подлинной теории революции в аргентинском социализме и в определенном смысле некоторые пределы ее теоретического и программного инструментария? Партия не смогла в полной мере определить динамику революционного процесса, стратегии, этапы, движущие силы, союзников и противников каждого направления. Как и в случае с большинством во II Интернационале, местным социалистическим течениям было трудно оценить противоречия и дилеммы, с которыми сталкивалось временное правительство, которые укрепляли автономию советов, способствовали появлению большевиков. Обвинение в отношении последнего было симптоматичным, но выходило за рамки социалисти-

ческой традиции. Для СП не могло существовать революционного социализма: они находили здесь терминологическое противоречие. Поэтому процесс раскола и изгнания левых социалистов являлся неизбежным.

Вскоре после этого курс Советского правительства стал более определенным, СП расширила глобальное противодействие революции, движимой большевиками, утверждавших диктатуру пролетариата в качестве подлинного демократического социалистического пути. В 1919 де Томасо принял участие в конгрессе Бернского интернационального социалистического общества, имея возможность встретиться с Павлом Аксельродом, Эдуардом Бернштейном и Александром Керенским. Его Европейский тур был реконструирован в хрониках, опубликованных в *Ла Вангуарди*, и, наконец, издан в книге *«Интернационал и Революция»*. «Демократическая практика в политическом и экономическом порядке не случайна, она не может быть заменена на диктатуру любого меньшинства, какой бы просвещенной она ни была» [41]. Также ключевое значение имеет и метод: «Насилие свыше не может изменить сознание массы. И его культ, практикуемый в ходе русских и германских революций частью революционеров, стремящихся заменить штыки, пулеметы и бронированные машины на учредительные собрания, являются еще одним из следствий войны». Для лидера СП «такая диктатура пролетариата» была неудачным опытом, «проходом, затерянным на страницах теоретического социализма, состоящего из более или менее расплывчатых постулатов», стал предлогом для осуществления государственного переворота и подмены демократии.

С другой стороны, даже в тот момент, когда ИСП поддерживала формирующуюся диктатуру пролетариата в России, ей было сложно определить свою политическую идентичность. Она была найдена в том напряжении и внутреннем поиске, в контексте которого партия существовала на протяжении трех лет. Вначале она притворилась, что оспаривает сущность самой СП, представляя себя в качестве подлинного представителя социалистического проекта, который официализм мог ослабить. Однако эта партия революционеров, враждебная к парламентаризму и ориентированная на классовую борьбу, которая должна соответствовать, а не просто вписываться в рамки, унаследованные от II Интернационала

Наконец, они познакомились с резолюциями II Коммунистического интернационала, проходившего 7 августа 1920 в Москве. Среди них было 21 условие — «Циркуляра Зиновьева», предусматривавший требования, которым должны соответствовать организации-члены, включая утверждение собственного наименования. По этой причине ИСП

созвала свой Чрезвычайный Конгресс, состоявшийся 25 и 26 декабря в салоне Сирколо Мандолинистико, Буэнос-Айрес (Аргентина), на сцене, украшенной двумя огромными красными флагами и щитом советской России. На встрече был представлен проект исполнения вышеупомянутого циркуляра. Это подразумевало окончательное и решительное преобразование ИСП в дисциплинированную организацию, ориентированную на революционный заговор и подпольные действия, процесс, который сопровождался определенными неудачами, как покажут последующие годы [42]. С этого момента она стала известна как Коммунистическая партия Аргентины, Аргентинская Секция Коммунистического интернационала. В учредительном манифесте ссылка на 1917 была неизбежна: «... Русская революция — это наш Факел». Она заключает огромный поток революционного опыта. Русская революция имеет универсальную ценность. Ее принципы являются уникальными и могут служить основой для последующих революций пролетарских революций в любых странах» [43]. Создание КПА и приверженность политическим, программным, организационным принципам, проистекающим из Коммунистического Интернационала — это скачок в стандартизации, что требует тщательного анализа. Пример Октябрьской революции, стал важным историческим опытом, стимулировавшим развитие левой мысли, отличавшейся собственной идентичностью, дифференцировавшей ее ото всех прочих левых течений.

Список литературы:

1. Para un abordaje de las influencias de la Revolución rusa en la Argentina: Doeswijk, 2013; Pittaluga, 2015; Camarero, 2017.
2. Sobre el socialismo en el período: Walter, 1977; Aricó, 1999; Adelman, 2000; Camarero y Herrera, 2005; Martínez Mazzola, 2015.
3. *La Vanguardia*, 16/03/17.
4. *La Vanguardia*, 18/03/17.
5. *La Vanguardia*, 22/03/17.
6. *La Vanguardia*, 25/03/17.
7. *La Vanguardia*, 01/04/17
8. *La Vanguardia*, 18/04/17
9. Corbière, 1984: 35-36
10. *La Vanguardia*, 02-03/05/17
11. *La Vanguardia*, 07/05/17
12. *La Vanguardia*, 19/05/17.
13. *La Vanguardia*, 06/06/17.
14. *La Vanguardia*, 30/07/17.
15. *La Vanguardia*, 05/09/17.
16. *La Vanguardia*, 06/09/17.

17. *La Vanguardia*, 09/09/17.
18. *La Vanguardia*, 12/09/17.
19. *La Vanguardia*, 05/10/17.
20. *La Internacional*, 05/08/17. Las críticas al bernstenianismo en el PS ya se habían manifestado en *Palabra Socialista*, el periódico impulsado por el ala izquierda entre 1912-1914 (Díaz, 2015).
21. *La Internacional*, septiembre 1917.
22. Campione, 2005: 25-51.
23. *La Internacional*, 27/10/17.
- A. Mantecón, *El Partido Socialista y la cuestión internacional*, Buenos Aires, Imprenta Sarandí 374, 1917, p.
24. *La Vanguardia*, 08/11/17.
25. *La Vanguardia*, 09/11/17.
26. *La Vanguardia*, 15/11/17.
27. *La Vanguardia*, 17/11/17.
28. *La Vanguardia*, 19/11/17.
29. *La Vanguardia*, 23/11/17.
30. La convocatoria apareció en *La Internacional*, 06/12/17.
31. *La Razón*, 05/01/18.
32. PSI, *Historia del socialismo marxista en la República Argentina. Origen del Partido Socialista Internacional*, Buenos Aires, 1919, p. 56.
33. *La Vanguardia*, 14/02/18.
34. *Historia del socialismo marxista...*, cit., p. 57.
35. *Historia del socialismo marxista...*, cit., p. 58.
36. *Historia del socialismo marxista...*, cit., p. 64.
37. *Historia del socialismo marxista...*, cit., pp. 65-66.
38. *Constitución de la República Rusa Socialista Federal de los Soviets*, Buenos Aires, Ed. Marxista, 1918.
39. G. Zinoviev y N. Lenine, *De la Revolución Rusa*, Buenos Aires, PSI, 1919.
40. Antonio de Tomaso, *La Internacional y la revolución*, Buenos Aires, *La Vanguardia*, 1919, p. 122. Agradezco a D. Ceruso el acceso a esta fuente.
41. Las nuevas disposiciones fueron rápidamente editadas: PC, Sección Argentina de la III Internacional, *Estatutos. 21 condiciones de la Internacional Comunista. Tesis sobre la Sindical Roja y Declaración de Principios*, *La Internacional*, 1921.
42. Partido Comunista, Comisión del Comité Central, *Esbozo de Historia del Partido Comunista de la Argentina*. Buenos Aires: Anteo, 1947, p. 44.